«Маленькие» люди духовные идеали

Category: Edebi makalalar,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
"Маленькие" люди духовные идеали «МАЛЕНЬКИЕ» ЛЮДИ ДУХОВНЫЕ ИДЕАЛЫ

- **(о творчестве Исраила Ибрагимова)**

Статья о творчестве нашего современника и соотечественника – писателя Исраила Ибрагимова. Он – первый и пока единственный писатель уйгурского происхождения, пишущий на русском языке, и в этом смысле его творчество для русскоязычного читателя – своеобразное окно в мир современных уйгуров.

Конец 19-20 века на бескрайних пространствах СНГ родил немало явлений, неоднозначно оцененных современниками, но утвердившихся в сознании как нечто неизбежное, определенное жестким поступательным ходом истории. В числе их – новое в культуре народов бывших республик, ныне суверенных стран СНГ, обязанное рождением мощному воздействию русской культуры. Влияние такого рода не всюду было одинаковым. На Украине и Белоруссии в связи с близостью языков и культуры в целом оно было иным, чем в азиатской части Союза – многоликом и разноголосом конгломерате народов и племен, где за сравнительно короткий срок получили развитие новые виды искусства и литературы, одной из главных движущих сил, в становлении которых был русский язык с его огромными возможностями трансляции, ретрансляции идей, мыслей, прогрессивных предприятий не только русской, но и мировой культуры в целом.

Русскоязычие нерусского населения в республиках СНГ чем-то сродни англо-испаноязычию коренного населения на американском континенте: и там и здесь очевидно воздействие цивилизации более высокого уровня с могучими языковыми вооружениями на

народы, пребывавших до этого в изоляции, вне сферы европейской культуры. В деталях же больше различий, нежели сходств. Более того, это – миры в сложнообустроенной галактике человеческих ценностей. Различие – оно в генезисе этих миров, взращенных на разных почвах – определило и различную степень сопротивляемости местных культур натиску инородного. При этом, на примере русскоязычия, на территории СНГ нетрудно заметить особенность: интенсивность абсорбции русского языка в иную национальную среду тем ниже, чем основательнее культура, а стало быть, сопротивляемость последней. Наличие собственной письменности и многих других составляющих культуры закавказских республик явились своеобразными запрудами на пути проникновения, а затем и утверждения здесь русскоязычия. И, напротив, в соседнем демографическом массиве – Средней Азии, точнее, в некоторых ее странах (Туркменистан, Казахстан, Кыргызстан), где хрупкость культур явили хорошую основу для абсорбции нового. Но и в случае последнем в разных национальных регионах (в том же Кыргызстане, например), процесс формирования русскоязычия в местах соприкосновения местной и русской культуры был разным: в городах, в местах сосредоточения русских, он протекал быстро, в сельских же районах в местах проживания коренного населения – с меньшей интенсивностью; русскоязычие вписалось в первую очередь в круг интеллигенции, для многих интеллектуалов (и не только)– представителей коренной национальности стало приоритетным, а для некоторых из них русский язык стал родным.

Врастание русскоязычия в местную среду явилось для коренных этносов не только благом, но и нечто содержащим негативное. Но вины в том русской культуры, богатой и самобытной, языка ее, действительно могучего и великого, разумеется, нет. Причины перекосов в языковой инфраструктуре на окраинах СНГ и в глубинах России – социальные и политические, отвечающие сути тоталитарного режима.

Вопрос этот (как впрочем, в целом проблемы русскоязычия нерусского населения), несмотря на безусловно острый интерес к

нему разных слоев общества, сложен, исследован не достаточно полно и объективно. Поражает факт отсутствия, в частности, капитальных работ о русскоязычной культуре и литературе авторов нерусского происхождения. Издания такого рода помогли бы высветить природу проблемы изнутри, определить конструкцию связей, прямых и обратных, обнажив ее внутренние пружины.

А ведь за последние десятилетия выросла плеяда литераторов нерусского происхождения, пишущих на русском языке. И какая!

В настоящее время в составе бывшего Союза, пожалуй, нет страны, в писательском объединении которого отсутствовали бы литераторы-русскоязычники нерусской национальности. Имена многих из них на виду и на слуху читающей публики. Среди них – звезды яркие, такие как белорус Василь Быков, абхазец Фазиль Искандер, казах Олжас Сулейменов, таджик Тимур Зульфикаров, узбек Тимур Пулатов, азербайджанцы Чингиз Гусейнов, братья Ибрагимбековы, нивх Владимир Санги, чукча Юрий Рытхэу, эвенк Юван Шесталов и др.

Русскоязычие, к счастью, не только не погасило у названных писателей национальную самобытность, но, напротив, высветило ее под другим углом зрения, выявив досель невиданные краски в спектре духовности своего народа. Как ни удивительно, на первый взгляд, именно русскоязычие с его богатым опытом русского письма, помогло национальным культурам обрести самих себя, понять глубины своих возможностей, позволить в некоторых случаях сравняться с лучшими образцами мировой литературы. В ряду названных лиц и автор романа «Колыбель в клюве аиста» Исраил Ибрагимов.

Исраил Ибрагимов родился в уйгурской семье, окончил русскую школу, геолог по образованию, автор трех романов, нескольких повестей, киноповестей, рассказов, киноновелл. Он – первый и пока единственный писатель уйгурского происхождения, пишущий на русском языке, и в этом смысле его творчество для русскоязычного читателя – своеобразное окно в мир современных уйгуров. Европейскому читателю об уйгурах известно немного, а

между тем это один из тюркоязычных народов: этническая родина уйгуров – Восточный Туркестан (СУАР, КНР), где в настоящее время проживает около 20 млн. уйгуров; другое значительное их место обитания – среднеазиатские республики (около 300 тыс. человек). Уйгуры – народ с древней культурой, создавший первым из тюркоязычных народов свою письменность (сейчас она закрепилась у монголов), в разное время исповедовавший шаманизм, манихейство, христианство, буддизм, ислам; это – народ, прошедший через тернии испытаний, но сумевший уберечь свое самобытное этническое лицо.

Однако в круг творческих интересов Исраила Ибрагимова не входят проблемы истории уйгуров. Его интересы – тайны человеческой души, человек, притом чаще простой, незаметный в повседневной жизни. Разумеется, простой, незаметный для глаза равнодушного, поверхностного. Для острого зрения простое – сложность, простой человек – мир. В романе «Цыпленок и самолет» (написанного, кстати, позже «Колыбели в клюве аиста», но увидевшего свет раньше) поэт Адылжан так и говорит приятелю художнику: «Человек – целый мир», и на замечание последнего о том, что «на земле людей тьма-тьмущая», настаивает: «Да, тьма-тьмущая, но при этом каждый из них – мир».

Не только интерес, но и умение выявлять в кажущемся простом богатое содержание – свойство, характерное для творчества писателя. Автор словно хочет сказать: обыкновенных и обычных людей не существует в природе – приглядитесь к человеку «маленькому», проникните в хранилище его души и вы увидите бездну волнующего, почувствуете нечто причастное себе – частицу себя; он будто хочет сказать: приглядитесь к событиям привычным внимательно и вы увидите в каждом из них напряжение – «мину», готовую взорваться в любую минуту; в бытие не бывает ничего эфемерного – в кажущемся преходящем всегда отыщется нечто остающееся вечной зарубкой на сердце.

Но так ли бывает легко приглядеться и ощутить затаенное? Для этого нужен особый дар видения и организация чувств. У писателя он есть. Свидетельство тому – его произведения.

Роман «Вкус дикой смородины» (изд-во «Советский писатель». 1979 г., М.) -впечатляющее повествование о тружениках гор и степей, с первого взгляда ничем не примечательных, но в действительности (в этом убеждает автор) людей с яркими индивидуальностями, сложными судьбами. За неспешным раздумчивым, изрядно детализированным, до нюансов, ходом повествования ощущаются сполохи – предвестники грозы. В финале «гроза» разражается. Кстати, о финале романа «Вкус дикой смородины». Пресса высоко оценила художественное достоинство романа, но прошла мимо важной детали: Толен Мамытбеков, бывший воспитанник детского дома, «перекати-поле», человек, утерявший национальное, лицо, корни своего народа, человек сильной воли и обостренного чувства справедливости, потрясен: между ним и горцами постепенно выросла стена отчуждения и непонимания – он взрывается и в ярости на глазах у чабанов крушит своих же рук сооружение – загон для овец. И это не просто мальчишеский поступок (очередной «бемс»); этот взрыв, на наш взгляд, несет в себе подспудный смысл философского звучания: простота и грубость «маленьких» людей обманчива – в действительности перед нами, как всюду и всегда, мир диалектичный, в котором задействованы, как и в любом человеческом обществе, центростремительные силы, законы – мир, который может принять, но и с мягкой жесткостью отторгнуть инородное, сообразуясь с правилами любви и ненависти. В финале романа по сути столкнулись две группы в обществе – отторженцы – изгои, именуемые некоторыми блюстителями национальной чистоты (не пожелавших или же, не сумевших проникнуть в подлинные человеческие глубины айтматовской философии) не без презрения «манкуртами» и представителями – назовем их так – автохтона. И дело даже не в столкновении, а в отношении автора к участникам конфликта. Автору же дороги все его герои: «манкурты» и «неманкурты», сильные и слабые телом и духом. Для него важно нечто иное! Добро и Зло. Это две стороны одной медали. Бог и его противник – клеветник. Что побеждает в каждом творении человеческом? Добро или зло? И как это происходит в каждом из нас? Автор показывает диалектику жизни во всей ее многогранности и ориентирует нас на поиск добрых начал в людях

и прежде всего в себе.

Нечто созвучное этому произведению читатель найдет и в романе об уйгурах «Цыпленок и самолет»: те же замедленный ход повествования, кружева ретроспекций, и здесь – «маленькие люди» (швеи, уборщицы, сапожники и др.) с их скромными запросами и, казалось, житейскими проблемами, поданных с присущим автору тонким мягким юмором и психоанализом, а в финале – снова «взрыв». Такой же силы, как и в предыдущем романе. На этот раз невмоготу сдержать в себе боль, накипевшую за долгие годы, старой Сабире-аче: это она де виновна во всех бедах, обрушившихся на головы близких ей людей. Эмоциональный взрыв старой женщины воспринимается как « глас вопиющего в пустыне», как отчаянный призыв, вырвавшийся из глубин экзистенциального к милосердию, призыв осознать ответственность любого из нас за судьбы всех.

«Простой», «маленький» – понятия относительные. Кто такой Иллахунов из повести «Созвездие мельниц»? Для жителей Карповки из Приозерья (место действия всех произведений Исраила Ибрагимова) Иллахунов – чудаковатый мельник-выпивоха, взявший женщину с сомнительной репутацией себе в жены, для профессионального художника Салима – обыкновенный неудачник. В действительности же герой повести – человек, на протяжении всей жизни пытавшийся вырваться из вязких пут несвободы с ее «прокрустовым ложем» – системой, сложившейся в обществе. Его можно отнести к новому поколению донкихотов, отвергающих ценности мира, где «тля и ржа истребляют»; он – не от мира сего. Его мир больше и светлее, и этот мир дает ему силы и талант созидать истинно духовное и вечное. В итоге он обрел свободу, свободу творить, свободу реализовать себя в искусстве. «Созвездие мельниц» – еще одно «тихое» произведение автора в «тихом» мире «маленьких» людей. Но эта тишина обманчива! Как обманчива тишина перед артподготовкой перед наступлением, как обманчива тишина минного поля. Но, если в романах «Вкус дикой смородины», повести «Созвездие мельниц» накал страстей как бы замаскирован ламинарным течением

повествования, то нервы рассказа «Соната для спящего сына» и романа «Колыбель в клюве аиста» предельно обнажены. Рассказ «Соната для спящего сына» – сгусток боли. Драма молодого человека, попавшего в «психушку», но в не меньшей, а может быть, и большей степени драма его отца, оказавшегося – выясняется это опять же в финальном «взрыве» – причастным по стечению обстоятельств к судьбе сына – прочитываются как драма в целом «маленького» человека.

Рассказ и роман «Колыбель в клюве аиста» роднит многое, но главное сближает их степень обнаженности – в романе все, вернее, почти все – нерв, болевые точки – на виду и даже на слуху. Нет необходимости говорить о содержании романа. О нем прочтет (возможно, прочел) и составит свое мнение читатель. Но на некоторых моментах все же следует задержать внимание.

«Колыбель в клюве аиста» – произведение многоплановое нетрадиционной конструкции – о людях из Приозерья, об их поиске достойного места под солнцем, поиске своего «я» – смысла жизни. Уточним: поиске нелегком, порою мучительном. Как и любой поиск, насыщенный, а порою перенасыщенный смятениями душ героев, шараханиями, печалями и радостями, приобретениями и потерями. В основе поиска, – его движущая сила – не только жажда познания окружающего мира, но и боль, по-своему стимулирующая этот поиск незаурядными, вопреки их мнению о себе, людьми.

Любую боль залечивает время – истина, казалось, испытанная веками. Но всегда и у всех ли так? У главных героев романа дело обстоит иначе: в босоногом детстве жестокие люди погубили их друга, однако боль утраты не только не исчезла, не только не затерялась, растворившись в суете мирской, а, напротив, усиливалась, впитавшись в поры обретенного опыта. Именно эта боль, более чем что– либо другое, прямо или косвенно, кровоточила думы героев: кто, для чего он человек, зацепившийся «на кончике Вселенной»? В самом деле, кто?

И этот вопрос задает себе незадачливый кинодраматург Дауд

Исмаилов — человек, которому однажды в безлюдной шахте-подземке вдруг почудилась музыка Баха, и его друг Жунковский, который, оставив науку и став производственником, вдруг почувствовал в себе дар… подлинного исследователя недр. Могли себе задать такого рода вопросы и хирург Савин, напавший на след убийцы, «вальсирующая» Виолетта Жунковская, и всеумейка майор милиции Рахманов, и нелюбящий слово «счастье» Азимов и многие другие герои романа. И не только задать вопрос, но сделать и найти (каждый по-своему) ответ. И не только найти ответ, но и сделать определенные выводы. Так как сделали это главные герои, оттолкнувшись от идеи академика Шаронского об одиночестве земной цивилизации. «Поразил не пессимизм автора — взволновало вдруг человеческое в рассуждениях об одиночестве, — делится своими мыслями с другом Жунковский. — И в самом деле, если мы уникальны, то не следует ли из этого, что мы должны (нет, просто обязаны) быть друг к другу в стократ внимательнее, в стократ нежнее, не следует ли наконец, что смерть и жизнь кого бы то ни было непременно должна отразиться на каждом из нас?.. Я почему-то вспомнил слова руководителя студенческого кружка об истории Земли, на кончике которой этаким крохотным муравьем цеплялся, всеми силами стараясь удержаться, пойти в рост, человек с его историей… жена…, дочь…, ты…, я…, все…» Произведения Исраила Ибрагимова, созданные в доперестроечное время, счастливо, в числе немногих, избежали пагубных ветров конформизма и безжалостной конъюнктуры тех лет. Это маленький оазис с чистыми родниками подлинной живой духовной литературы, это живое древо Жизни; суть его известна: любовь, вера в лучшее в человеке, надежда на лучшее.

Судьба этих произведений складывалась трудно. Известность первых двух книг («Вкус дикой смородины», «Созвездие мельниц»), положительно отмеченных прессой, тем не менее едва ли вышли за границы Кыргызстана; «Соната для спящего сына» — от начало до конца — пронзительная боль — была встречена глухой провинциальной тишиной, а роман «Цыпленок и самолет» и «Колыбель в клюве аиста», попав в русло сенсационной

диссидентской и эротико-порнографической литературы, были выброшены на мель и долго ждали своего часа. Первый паводок наступил через 6 лет, другой пришел через 15. Для природы это мизер, а для человеческой жизни?

Таким образом, образовалась парадоксальная ситуация: имя неординарного писателя, стоящего в одном ряду с названными выше русскоязычными литераторами нерусского происхождения, оказалось неизвестным широкому кругу читателей. Вот почему мы, издатели, давшие старт «Колыбели в клюве аиста» считаем себя причастными к открытию нового имени в большой литературе.

«Прочтите книгу, – приветствовал в печати выход в свет «Цыпленка и самолета» один из местных писателей, – и вас посетит забытое чувство любви в ближнему». От себя добавим, имея в виду творчество писателя в целом: а также чувство сострадания, милосердия, покаяния, причастности к высоким духовным идеалам.

АЛЕКСАНДР БАРШАЙ
г. Элизар, Израиль Edebi makalalar